

Обзор некоторых материалов московской деловой письменности XVIII в.

В настоящей статье рассматриваются документы Московской конторы Сената, хранящиеся в ЦГАДА: ф. 248 (Сенат и его учреждения), оп. 98 (Московская контора Сената) 1730—1734 гг.

Материалы Московской конторы Сената (МКС), о которых пойдет речь, представляют собой разбор различных дел по доношениям в Сенат отдельных лиц и учреждений, например Сысного приказа, Вотчинной коллегии, Полицмейстерской канцелярии и других учреждений¹. В делах говорится о разделе имущества, описях «пожитков», о публичных торгах, об осмотре городских «ветхостей», починке мостов, а также установке надолб и рогаков на улицах Москвы, об очистке мостовых и т. д.

В этих материалах официального характера получил известное отражение говор москвичей.

Большинство дел МКС состоит из донесений-челобитных, различных справок, касающихся рассматриваемых вопросов, краткого изложения дел — «экстракта», решений МКС и некоторых других документов.

Особенности делопроизводства XVIII в., определенные в «Генеральном регламенте»², обусловили характер оформления рассматриваемых документов. Все материалы, поступавшие в МКС, за небольшим исключением, переписывались служащими конторы; некоторые из бумаг, по всей вероятности, и составлялись ими, например,

¹ В ЦГАДА в ф. 248 имеются дела Московской конторы Сената за 1711—1765 гг., оп. 98—100, 118—122. Эти дела помимо указанных материалов содержат журналы и протоколы заседаний, а также и некоторые другие материалы, не рассматриваемые в статье.

² ПСЗ, т. VI, № 3534, 1720 г. СПб., 1830.

такие, как доношения в Сенат, «экстракты», решения и под. Часто эти документы представлены в черновых и беловых вариантах. Большинство текстов в каждом из дел написано разными лицами (служащими), о чем можно судить по почерку и подписям, имеющимся, как правило, в каждом документе. Чаще всего встречаем подписи секретаря и канцеляриста или подканцеляриста. Видимо, обязанности двух последних в ведении дел совпадали. Иногда попадаются и другие подписи, например, протоколиста, копииста. Идентичность почерка текста и подписи установить порою очень трудно из-за краткости подписи, но все-таки во многих случаях может быть сделано заключение, что документы писались или переписывались лицом, поставившим подпись³. Следовательно, с достаточной вероятностью можно полагать, что большинство рассматриваемых текстов написано канцеляристами или подканцеляристами, «пищиками» МКС; секретарь, по-видимому, писал документы лишь в исключительных случаях, но все их просматривал и подписывал⁴.

Суждения о принадлежности к москвичам основного состава служащих московских учреждений в XVII в.⁵

³ Сравнение почерков проведено по книгам № 7712 и 7713 указанного фонда.

⁴ «Генеральный регламент» определяет обязанности канцелярских служащих следующим образом: секретарь собирает все необходимые документы (справки, отписки и под.), при этом указано, что «сжели важные суть — сам сочиняет, другие между прочими канцелярскими служащими по должности разделяет...» и «во всех отправлениях свое имя отписать должен». Канцеляристы же должны все делать, что укажет секретарь, писать разные письма по определенным образцам — формулярам, «а что они сами сочинили, то имеют прежде секретарю для поправления подавать...». Отмечается также требование подписывать документы и канцеляристам («Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, тако ж и все оных прилежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внутренних учреждениях, но и в отношении своего чина, подданнейше поступать имеют»). ПСЗ, т. VI, № 3534, с. 151—153).

⁵ См.: Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974, с. 34: «Несмотря на непрерывное пополнение извне главная масса московского населения оставалась старожилой. Постоянное наличие в Москве внушительного состава старожилов органически было связано с ее исключительной ролью как центра Русского государства. И обслуживание царского двора и высшей церковной иерархии, и содержание московского гарнизона, и производство военного снаряжения, и вседневная деятельность приказов, и многообраз-

могут быть отнесены и к служащим подобных учреждений в XVIII в. Для лингвистической оценки материалов это особенно существенно, поскольку позволяет в данных материалах усматривать приметы московской речи. Однако прямых указаний на принадлежность к москвичам того или иного служащего МКС в данных делах не встретилось, как нет их и в большинстве текстов XVIII в., представляющих делопроизводство московских контор и канцелярий.

Наибольший интерес представляют челобитные — заявления просителей или составленные на основании их доношения в Сенат. Тематика их касается самых разных сторон жизни, поэтому именно в подобных текстах проявления живой речи выступают особенно рельефно, хотя орфографическая выучка «пищика» этому препятствует. Официально-деловой стиль и правила ведения канцелярских дел в большей мере сказывались на различного рода справках, выписках из указов и приговоров Сената.

Для более полной характеристики рассматриваемых материалов опишем содержание некоторых дел.

1. Дело № 13 (кн. 7713, л. 259—271 об.) «По доношению из канцелярии Тайных разыскных дел о пожитках бывшего фискала Нестерова и о прочем».

Дело составляют доношение о конфискации имущества фискала Нестерова и реестр его пожитков, присланные из канцелярии города Переславля Залесского. Документы

ные ремесла и торговля, и сфера московской культурной жизни не могли обойтись без постоянного контингента военно-служилых и торговых людей, а также приказных дельцов. . .». Основываясь на данных книги «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.» (М., 1968), С. И. Котков полагает, что о принадлежности к москвичам писцов деловых документов можно судить также, исходя из некоторых данных об устройстве государственного аппарата и о составе его кадров, об организации делопроизводства. . ., а также исходя из общих сведений о московской жизни XVII в.» (там же, с. 35).

Можно, впрочем, указать и на случаи вызова служащих в Москву из других городов. Так, для Камор-коллегии «требовано подьячих» из Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Ростова, Вязьмы, Саранска, Арзамаса, Лебедяни, Путивля, Тулы, Дорогобужа, Каргополя, Моссальска и других городов (кн. 7713, л. 160, 1734 г.). Если такие случаи и не были типичными, их все же следует иметь в виду, так как они могут объяснить возможное появление в официальных деловых документах некоторых диалектных фактов.

переписаны служащими МКС, о чем можно судить как по их оформлению, так и по сходству почерка текста и пометы в начале дела (л. 259—266 об.). Кроме указанных документов, имеются справки о том, что деньги от продажи пожитков отданы в счет долга Нестерова старице Авксентье и об имуществе Нестерова в Санкт-Петербурге. Справки подписаны — первая — канцеляристом Семеном Шурловым, вторая — им же и секретарем Иваном Богдановым (л. 267 и 268). Доношение, опись и обе справки написаны одним почерком. Далее следуют требование Сената сообщить о количестве пожитков бывшего фискала Нестерова и списки лиц, свидетельствующих, что пожитков нет (л. 269—270). Почерки, естественно, разные.

В плане изучения языка Москвы XVIII в. наибольший интерес представляют доношения из Тайной канцелярии и опись-реестр имущества Нестерова, переписанные, как сказано выше, служащими МКС. Документы эти присланы из Переславля Залесского, в изложении московских писцов они приобретают значение московских⁶. Здесь названы многие предметы быта, такие, как одежда, посуда, драгоценности, указаны названия тканей и их цвета. Упоминаются телогрея, рубахи, «юпка», рукава кисейные, шапка детская верх красный, околыш овчинка серая русская, башмаки женские сафьянные, «чюлки валеные и гарусные ношенные», фуфайка детская парчевая, одеяло холодное выбойчатое (из выбойки — самого грубого ситца)⁷, одеяло песцовое покрыто полосатым «отласом» и под. Перечисляются ткани: китайка, выбойка, сукно, полотно ивановское, «отлас» и парчица («полупелковой парчицы остаток»). Из цветовых обозначений: бруснишний, кумачный, лазоревый, васильковый, песошный, красный, вишневыи (ударение указано в тексте), темновишневыи, лимонный, белый, осиновый, алыи.

Пожитки хранились в баулах и коробках, в описи отмечена коробка «за двумя вислыми замками».

Среди описываемых предметов встретилась и посуда — блюда, «торелки», кружка оловянная в полтора фунта —

⁶ Об этом свидетельствует лексическое сходство данных материалов с аналогичными сведениями, полученными из других московских источников.

⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, 4-е изд., т. I. СПб.—М., 1912, с. 681 (далее: Даль, Слов.).

«оловяник» (Даль, Слов., II, 1737), солонка оловянная весом в фунт, перешницы и укусница оловянные, лохань медная, таз, чашки винные и др.

Записаны также «2 крста маханкіе серебряные», «перло в три нитки» — жемчуг (Даль, Слов., III, 253). Как видим, в источнике представлены элементы лексики бытового круга.

2. Дело № 24 (кн. 7713, л. 405—425 об.) «По челобитью оконисных дел мастера Ивана Макарова о обождании взысканем имеющейей на нем Макарове казенной доимке и о прочем».

Дело начинается с челобитной Ивана Макарова на имя императрицы в связи с привлечением его к ответственности как поручителя за откупщиков необрочных мест в мясном ряду на Таганке, где откупщики торговали «в лавках, шалашах и на скамьях», но денег не платили. Под челобитной стоит подпись: «к сему прошению Иван Макаров руку приложил». Прошение писал «Московской губернской канцелярии бывший копиист Петр Ждановской» (л. 405—407). Далее следует ведомость из Московской губернской канцелярии об имеющихся в Москве необрочных местах, скрепленная секретарем Василием Волковым. Ведомость (л. 408—412) написана и подписана канцеляристом Иваном Суворовым. В деле имеется справка из Московской губернской канцелярии о владении Иваном Макаровым необрочными местами в Москве, подписанная секретарем Иваном Богдановым и подканцеляристом Петром Ключаревым (л. 413).

Затем следует вторичное прошение Макарова, оформленное так же, как и первое. В нем указано: «прошение писал Московской крепостной конторы бывший подьячий Петр Оглоблин» (л. 414—416 об.).

В деле также находится справка об имуществе (лавках в Охотном ряду) вдовы одного из откупщиков — Марьи Ситниковой, подписанная Иваном Богдановым и Петром Ключаревым (л. 417). Затем находим справку, из которой явствует, что слушание дела отложено, так как Макаров не заплатил за гербовую бумагу. Справку подписали секретарь Федор Калужкин и регистратор Григорий Протасьев (л. 418). За этими документами следует третья челобитная Макарова в связи с тем, что дело его отставлено неправильно. Челобитная подписана Петром Ключаревым. Судя по почерку, Ключарев и писал челобит-

ную (л. 419—420). Завершает дело заключение по разбору челобитных Макарова с пометой, что данный документ является копией. Подписан он челобитчиком — «оконишного дела мастер Иван Макаров читал подписую» (л. 421).

В лингвистическом плане, как и в предыдущем случае, наибольший интерес представляют прошения — челобитные Макарова (л. 405—407, 414—416 об., 419—420 об.). Изложение многих деталей дела и просьба разобратъся в нем, а также описание поступков лиц, за которых ручался Макаров, отражают проникновение в официальный, деловой язык того времени лексических элементов, которые, по-видимому, были свойственны обиходной речи москвичей.

Приведем характерные примеры:

«Оконичной мастер» (л. 407) или «оконишного дѣла мастер» (л. 409) Иван Макаров описывает свои торговые места «которые мѣста із ратуши для владения мнѣ написаны были. . . в мясномъ рядѣ что в Таганке в которыхъ показано торговать мяснымъ товаромъ два шалаша ѡдинъ четыре сажени а дрѣгомъ полпяты сажени» (л. 415). Далее говорится, что торговцы мясного ряда «лавками и шалашами и скамями насилствомъ своимъ владели а денегъ мнѣ огурствомъ не платили а называли те необрочные мѣста лавки і шелаши и сками своими крепосными а крепости на оныя мѣста г дѣлу противъ челобитья моего они не явили. . .» (л. 405). Макаров просит «иску. . . править в самой скорости (там же), жалуется, что «ратужские бургомистры за поноровкою неплателщикам. . . показанной доимки на нихъ не доправя запустили» (л. 405 об.).

Такие слова, как *поноровка* — «потачка, поблажка» (Даль, Слов., III, 745) или *огурство* — «отлынивание, своеволие» (Даль, Слов., II, 1668) из повседневной речи попадали в прошение, в челобитную.

Элементами живой речи можно считать и такие выражения, как «порутчики откупщиковы поручались добровольно . . . сами из воли своей» (л. 410 об.), пожитки «не ѡтписаны и не ѡценены за споромъ. . . челобитчицы. . . она Марья двора и пожитковъ ѡтписывать не дала и по ѡткупу сна своего ѡт того всего в тво число отперлась» (л. 416) и др.

В челобитных Макарова встречаем проявление редукции безударных гласных в написаниях *шалаша* и *шелаши*

(л. 405, 415, 415 об.), *шелаша* в документе, написанном канцеляристом Иваном Суворовым (л. 408) ⁸.

Для более полного представления о содержании рассматриваемых материалов укажем, хотя бы кратко, тематику дел, которые разбирались в МКС в 1730—1734 гг. Содержание их касается самых разных сторон жизни Москвы XVIII в.

Среди дел по благоустройству города можно назвать, например, такие, как дело о поправке домов и о карауле оных на Преображенском острове (7673, № 144) ⁹, о постройке в Москве Пятницкого моста через болото (7674, № 65), об учреждении в Москве фонарей стеклянных один от другого на расстоянии 10 сажень (7677, № 59), о непозволении до составления всей Москве плана производить деревянные строения (7678, № 76), о сочинении плана на город Москву архитектором Мордвиновым (7689, № 5), о починке Сухаревой башни ветхостей и определении к оной архитектора Мордвинова (7696, № 15), о починке в Москве Успенского собора окон (7702, № 29), о починке у Архангельского собора обветшалой стены и сводов (7704, № 1), о починке на Спасской башне часов (7704, № 47), о строении против гошпиталя от реки Яузы через болото до Новонемецкой слободы деревянного моста (7710, № 21), доношение Полицмейстерской канцелярии в Сенат о разрешении на поправку противу Коллегии и Приказа мостовых (7713, № 54), об ассигновании Штатс-конторы на починку кругом Москвы надолб и на строение рогаток денег (7715, № 6), о ветхих в Москве Триумфальных воротах (7716, № 72), о содержании в Кремлевском дворце, где имеются Камор-коллегия, Коммерц-контора и прочие места во всякой чистоте и чтоб помету и сору не было (7718, № 5), об осмотре на соляном и рыбном дворах ветхих шелашей архитектору Мичурину (7720, № 57) и под.

⁸ Аналогичные факты можно привести и из других московских материалов; в них написания *шелаша* представлено достаточно широко. Не меньший интерес представляет отражение того же явления в менее употребительном, к тому же иноязычном слове, например: в собственноручном письме москвича М. М. Щербатова, датированном 1782 г., читаем: «на бургонское и на шемпанское надлежало бы пошлину убавить» (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, № 1058, л. 1 об.). В писарской копии письма встречаем также «шемпанское» (л. 3 об.).

⁹ Здесь и далее при обзоре материалов указываем номера книги и дела.

Большое внимание уделено «перелитию» колокола Успенского собора. Назовем следующие дела: о перелитии Успенского собора большого колокола. . . (7676, № 1), о вызове подрядчиков для перелития поврежденного пожаром Успенского собора большого колокола (7678, № 13), о выдаче подрядчикам денег за литье успенского большого колокола (7679, № 3), об отпуске колокольному мастеру Ивану Маторину меди для перелитья большого успенского колокола (7694, № 121), о заплате мастерам за перелитие в Москве успенского колокола (7702, № 63) и под.

Можно выделить ряд документов, относящихся к московскому купечеству: о выборе из купеческого общества бургомистра Якова Евреинова (7673, № 58), об освобождении из-под караула купца Михаилу Ветошникову (7675, № 14), дело по челобитью московского купца Андрея Овошника о сложении положенных Коммерц-коллегией за купленный в Ревеле немецкий товар пошлины (7678, № 6), о выдаче купеческому человеку Степану Калашникову денег за поставленное в Москву вино (7681, № 21), по челобитью московского 1-й гильдии купца Федора Пороховщикова о выдаче за порох денег (7683, № 66), доношение Камор-коллегии в Сенат о продаже 44 бочек икры купцу Холщевникову (7713, № 71) и др.

Рассматривались в МКС и многие спорные дела, касающиеся раздела имущества, прав на наследство и под. Среди дел подобного содержания можно назвать такие: о споре жены служителя вдовы Анны Тихоновой Васильевой с князем Михайлою Долгоруковым о наследственном доме, стоящем в Москве (7675, № 93), о возвращении денег, полудома, мызы и людей, взятых у Ивана Васильевича Кикина, морского флота. . . лейтенанту Ивану Кикину Меньшому (7677, № 87), о рассмотрении Хамовной слободы тяглеца Гаврилы Степанова сына Санникова дела на каком основании взыскивают с него пошлинные деньги (7694, № 36) и под.

Многие дела, рассматриваемые в МКС, касались и других сторон быта москвичей. Таковы дела о производстве исследования о разбитых в окнах стекол сенатского архива (7673, № 86), об отдаче выморочных в московском суконном ряду двух лавок истопнику Алексею Милютину (7678, № 10), об отдаче отписного загородного двора кн. Алексея Долгорукова под аптеку в Мещанской слободе

(7680, № 38), по челобитью Кошельной слободы тяглеца Матвея Яковлева об отдаче ему дворового места (7683, № 19), о взятии с разных чинов сказок в исправном содержании розданных им с партикулярной верфи судов (7700, № 2), о приеме на Семеновский потешный двор от сокольных помытчиков 17 птиц и о взыскании с них передаточных за птиц денег (7704, № 7), о выдаче птичьим помещикам Степанову и Иванову за лов и доставку птиц денег (7704, № 38), по доношению из Полицмейстерской конторы о небытии в Москве бродящих нищих (7709, № 47), о присылке из Московской полицмейстерской канцелярии о заразных болезнях ведомостей (7715, № 36), о продаже привезенной из Астрахани рыбы и рыбных припасов (7715, № 43), по челобитью разных чинов людей о раздаче диких поль и порозжих земель (7717, № 4), о продаже из Мастерской Оружейной палаты разных вещей с публичного торга (7673, № 135) и другие дела самого разнообразного содержания, например, о запрещении ловить и стрелять зверей и птиц в Московской губернии (7674, № 27), об учинившихся противностях в Московском уезде боярина Алексея Салтыкова от крестьян (7705, № 111).

Разнообразие тематики данных дел затрудняет более подробную характеристику их содержания, поэтому ограничиваемся приведенными краткими сведениями. Даже краткий обзор показывает, что выделение групп материала имеет достаточно условный характер. По тематике рассмотренных в МКС дел можно судить о разнообразных сторонах жизни Москвы XVIII в.

Для изучения говора Москвы XVIII в. наиболее значительным является тот факт, что в каждом деле помимо справок, решений и приговоров Сената и МКС имеются челобитные, в которых находим немало бытовых подробностей, а следовательно и проявлений обиходной, разговорной речи. Проступают они и в замечании о возможности обвала «больнишной» крыши, которая может «подовить» людей, потому что во время дождей бывает «теча превеликая» (7713, л. 596—596 об.), и в просьбе найти кормилиц к «засорным» детям (7713, л. 596), и в сообщении о продаже икры «горькой, житкой», к тому же у бочек с этой икрой и «дна выподали» (7713, л. 910). В последнем тексте отразилась вариантность в обозначении жителей Москвы — москвитин и москвич (л. 909—909 об.). Встречаем также и описание разлива реки за Неглин-

ными прудами (7713, л. 731), сообщения о «хлебном недороде» (7712, л. 111) и др. В медицинском освидетельствовании «пищика» читаем: «бывает часто в беспамятстве и в безумии и в великой ужести и в ушах звон великой денно и ночью» (7713, л. 59).

Упоминание в документах бытовых деталей и наличие соответственных элементов лексики позволяет видеть в данных текстах источники, пригодные для изучения московской речи того времени.

Можно отметить наличие в некоторых делах черновых и беловых вариантов текста. Это, как правило, документы, составленные служащими МКС и ими же переписанные. Можно указать, например, на подобные факты в следующих материалах: беловые тексты — 7712, л. 305—305 об., 333—334 об., 509—509 об.; 7713, л. 627—636 об., 739—742; черновые тексты — 7712, л. 306—306 об., 335—337 об., 511—512 об.; 7713, л. 637—642, л. 743—752.

Черновые и беловые варианты написаны разными писцами, беловые тексты по сравнению с черновыми не содержат ни грамматических, ни стилистических изменений. Сравнение этих вариантов дает представление прежде всего об орфографической выучке писца, хотя в некоторых случаях по характеру расхождений в написании можно судить об определенных чертах говора писца. Например, в черновике находим написания *в канторе* и *калаколной* (7712, л. 512), в беловике им соответствуют *в канторе* и *колоколной* (там же, л. 509 об.). Эти факты могут свидетельствовать об акающем произношении и не очень твердой правописной выучке писца. Наиболее частые расхождения между черновыми и беловыми текстами наблюдаются в написании букв *ѣ* и *е* (*ѣ* вместо *е* и наоборот в разных морфологических и фонетических позициях). Например, в черновых вариантах: *несколко*, *велѣно*, *ко управлѣнню*, *в Москвѣ*, *хлѣбное*, *ниѣ*, *повѣлено* (7712, л. 510, 511 и 511 об.). В беловых вариантах этим написаниям соответствуют: *нѣсколко*, *велено*, *ко управлению*, *в Москве*, *хлебное*, *ние*, *повелено* (там же, л. 506, 509 и 509 об.). Сравнение этих написаний может свидетельствовать, по-видимому, о неразличении звуков, обозначаемых этими буквами.